

Омельянюк Александр Сергеевич

„Казань“

романа-эпопеи „Платон Кочет“

Книга серии «Платон Кочет XX век»

Возрастное ограничение 18+

Платон Кочет XX век

Александр Омелянюк

Казань

«Горизонт»

2004

Омельянюк А. С.

Казань / А. С. Омельянюк — «Горизонт», 2004 — (Платон Кочет XX век)

ISBN 978-5-906858-50-4

Часть «Казань» (1995 год) романа-эпопеи «Платон Кочет», написанная в 2004 году, является вторым прозаическим произведением автора, продолжающим, изложенную ранее тему. Эта книга также входит в серию «Платон Кочет XX век». В представленной части автор повествует о командировке главного героя романа-эпопеи – уже вновь женившегося и перешедшего на другую работу Платона Петровича Кочета – теперь уже с коммерческой поездкой в Казань. Автор часто в стихотворной форме рассказывает о путешествии главного героя по этому древнему городу, о его впечатлениях от им увиденного. Его переживания по поводу крутого жизненного поворота и анализ причин этого дополняются иронично-саркастическим повествованием автора об опять происшедших с главным героем, по просьбе тех же первых читателей, забавных любовно-романтических приключениях.

ISBN 978-5-906858-50-4

© Омельянюк А. С., 2004

© Горизонт, 2004

Содержание

Глава 1. Сан Саныч	6
Глава 2. Соблазны	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александр Сергеевич Омелянюк

Казань

© Омелянюк А.С., 2017

© ООО «Горизонт», 2017

* * *

Глава 1. Сан Саныч

Последний год первой переходной пятилетки от социализма к капитализму в России принёс существенные изменения и в жизнь Платона Петровича Кочета.

Вслед за, наконец, всё же состоявшимся получением новой квартиры в 1994 году, в течение года он вынужден был поменять и работу. Однако этому поначалу предшествовал ряд интересных событий.

С марта 1995 года Платона, за относительно хорошие деньги, пригласили поработать по совместительству в ООО «Аяксы».

Эта частная, даже семейная компания занималась перепродажей в России запасных частей к промышленным холодильным установкам производства известного чешского предприятия «ЧКД-Прага», то есть была посредником, и даже его эксклюзивным дистрибьютором в Москве.

Кроме руководителей фирмы, сына и матери Кроликовых – хороших знакомых тёщи Платона, в их «крольчатнике» давно работало по паре мужчин и женщин, которые встретили нового сотрудника по-разному.

Женщины – симпатичные, весёлые и общительные бухгалтеры Людмила и Маргарита – вопросительно-доброжелательно-мечтательными улыбочками. Общим было за тридцать. Обе были замужем, имели детей и игривый нрав. В сочетании с надёжной, хорошо оплачиваемой работой, всё это обеспечивало им уверенность в завтрашнем дне. Посему, удовлетворившись всем этим, подсознательно они были готовы и не против новых, любовных приключений, например, со зрелым симпатичным мужчиной.

Коллеги же мужчины встретили Платона совсем по-другому – слегка настороженно, как возможного соперника.

Более чем тридцатилетний Игорь Александрович – ровесник и друг начальника – практически индифферентно. Крупный, рыжий, но приятной наружности, малоразговорчивый, он казался сам себе на уме, позже устроив к себе в коллектив и своего друга.

А самый старший в коллективе по возрасту – Александр Александрович – встретил Платона просто с неподдельным интересом. Он почувствовал в новом сотруднике человека своего круга – интеллигента, инженера, коллегу. Поджарый, седовласый, уже в весьма зрелом возрасте, симпатичный мужчина весьма интеллигентного вида тоже понравился Платону, который естественно в первую очередь сблизился, сошёлся с ним, найдя для разговоров множество общих, а не только технических, тем.

Но, в то же время, главный инженер ООО поначалу внутренне опасался конкуренции со стороны активного новичка – тоже опытного инженера.

Этот коллектив, уже имея основной состав сотрудников, теперь, видимо, находился в завершающей стадии формирования своего штата.

Поэтому Платон в начале своей работы проходил как бы испытательный срок, пока работая по договору.

Но вся эта подработка оказалась возможной лишь с согласия и прикрытия со стороны его непосредственного начальника на основной работе в НПО Машиностроения – Виктора Георгиевича Вдовина.

На этом новом для себя поприще Платон впервые, хотя и поверхностно, познакомился с компьютером, быстро освоил факс и множительную технику.

В процессе осваивания новой и, как показалось, интересной работы ему приходилось бывать на таможнях, получая и сопровождая к себе на склад продукцию из Чехии, ездить с Игорем Александровичем на его Жигулях за покупкой запчастей с некоторых московских заводов, получать и отправлять тяжёлые ящики с московских железнодорожных вокзалов.

Кроме того Платона часто посылали в банки, в регистрирующие и другие организации для проводки платёжек и получения соответствующих разрешительных документов на работу их фирмы. Но главным его делом был склад, где аналитически мыслящий и аккуратный инженер, наконец, навёл системный, идеальный порядок.

Кроме этого, в порядке очерёдности, Платону иногда приходилось ходить и в магазин за продуктами к обеду, ещё реже ездить в командировки.

В одну из них – дальнюю, в Казань, они и выехали вместе с Александром Александровичем.

В воскресенье, 3 сентября 1995 года, ближе к вечеру, Платон встретился на Казанском вокзале со своим коллегой, которого давно с уважением и любовью все величали Сан Саныч. Он был весьма щедушным, хилого телосложения с мелкой, худощавой ладонью, поэтому поздоровались коротким, лёгким рукопожатием, одарив друг друга дружескими улыбками, так как испытывали взаимное, нескрываемое уважение и симпатию.

Вошли в вагон в своё купе, где по-хозяйски сразу и расположились. К их удобству других пассажиров не было.

Вскоре после отправления, Сан Саныч заказал у проводницы чай на двоих. Позже он добавил для себя ещё два стакана.

По манере поведения Платон догадался, что его коллега довольно часто в своей жизни ездил поездом в командировки. Уж очень он вёл себя уверенно и со знанием дела.

После лёгкой трапезы Саныч предложил Платону сыграть в шахматы.

Тот поначалу отказался, сославшись на своё не любительство этой долгой, не динамичной, нудной, и изматывающей нервы, игры.

Но, после настойчивых уговоров Сан Саныча, сдался, поняв, что перед ним сидит большой любитель шахмат, жаждущий побед, который, видимо, на своей прежней, инженерной работе любил в обеденный перерыв сыграть пару партий в блиц. Наверно и уровень его игры соответствующий?

Во всём его облике и горящих глазах чувствовалась настойчивость азартного человека, предвкушающего лёгкую победу над более молодым и неопытным, не любящим и, соответственно, наверняка плохо играющим, партнёром.

Тем самым он, видимо, хотел показать своё интеллектуальное превосходство над, неосознанно конкурирующим с ним, коллегой.

Платона же в этой игре интересовал лишь сам процесс. Он любил думать, анализировать, разбираться в создавшихся ситуациях. Иногда он, с дилетантским применением психологического анализа, пытался определить черты характера своего соперника, в дальнейшем используя это в своих целях. Платон прекрасно понимал, что именно в игре, особенно азартной, раскрывается истинное лицо и психологический тип человека, упускающего в этот момент контроль над своим поведением и теряющего наносные, органически чуждые ему, манеры поведения.

Понимание этого помогало Платону придумывать иногда некоторые хитрые действия, и не только за шахматной доской, но и вокруг неё, и в повседневной жизни.

Он совершенно не занимался изучением шахматных дебютов и никогда не стремился к этому, так как не имел цели кого-то таким образом обыгрывать. Знание дебютов лишило бы его возможности анализировать создавшиеся позиции уже в самом начале партии. Правда, это часто подводило его при игре с серьёзными, «теоретически подкованными» соперниками.

И так, Платон точно знал, что будет действовать против самоуверенного, жаждущего безусловной и быстрой победы, соперника, наверняка действующего в начале партии по какому-то, хоть и правильному, но всё-таки шаблону.

Ну, что ж! Разочарую и дезинформирую его долгим обдумыванием начальных, элементарно напрашивающихся ходов, разозлю его и вселю в его сознание уверенность в неизбеж-

ной победе! И это, несомненно, приведёт к потере им бдительности и, неизбежным при этом, ошибкам! – решил психолог-естествоиспытатель.

Выигрыш при многочисленных разменах в дебюте хотя бы одной пешки часто давал Платону шанс на победу в партии. Ему не раз удавалось сохранить своё минимальное материальное преимущество до конца партии.

Хотя неумение анализировать непосредственно преимущества и недостатки самой позиции периодически приводило его и к неожиданным, по его мнению, поражениям.

Однако это не смущало Платона, так как он прекрасно понимал, что умение анализировать позиции – прерогатива только сильных шахматистов, которым и проиграть то не зазорно.

Так оно и получилось. Расчёт оказался верен.

Сан Саныч делал первые ходы молниеносно, по привычке, нервно ожидая ответ противника, с нетерпением предвкушая неизбежно скорую победу и возможность сыграть ещё несколько партий для полного удовлетворения своего непомерного тщеславия маленького человечка.

Платон украдкой, через слегка раздвинутые пальцы подпирающей лоб ладони, наблюдал за Сан Санычем, делая вид, что всматривается в позицию.

Тот раздражённо, снисходительно и даже высокомерно смотрел на потуги соперника.

Наконец на доске что-то завязалось.

При развитии партии, разменяв несколько фигур и пешек, соперники начали готовиться к решающему сражению, планируя свои дальнейшие оперативно-тактические действия.

Платон догадался, что Сан Саныч сделает упор или на позиционное преимущество или же попытается, в слегка разряженной и потому более простой и читаемой ситуации, выиграть пешку или даже фигуру, что было более вероятно для его характера и привычки играть короткие партии. К тому же Платон прекрасно понимал, что играющие часто в блиц непрофессиональные шахматисты, лишены практики досконального анализа то и дело меняющихся позиций, и более всего рассчитывают только на свою интуицию, опыт и шаблонность действий, ранее приводивших их к успеху.

Скорость игры затянулась и со стороны Сан Саныча.

Он вдруг понял, что вдумчивая, медленная и осторожная игра Платона чёрными не принесла ему какого-либо преимущества в дебюте. И теперь надо было углубляться в позицию и что-то предпринимать, комбинировать.

Платон любил играть чёрными, отдавая инициативу сопернику, как бы вторым номером. Ибо, не зная дебютов, он не мог вести партию и часто белыми фигурами, или проигрывал, даже более слабым соперникам, или же специально терял темп, как бы меняя цвет фигур на чёрный. Игра чёрными, от соперника, в нужной мере ограничивала Платона и заставляла сосредоточиться на конкретных проблемах, создаваемых соперником, мешая тому в осуществлении его планов.

Как ни странно, именно чёрными он частенько выигрывал у соперников более высокого уровня. Платон в миттельшпиле и, особенно в эндшпиле чувствовал себя, как рыба в воде. Имея богатое воображение, ассоциативную память, и умение быстро и точно считать в уме, он мог просчитать любую ситуацию на несколько ходов вперёд не только в шахматах, но и в жизни.

И сейчас чёрным цветом Платон ни в чём заметно не уступал сопернику. Тот начал несколько нервничать и злиться на непокорность партнёра по партии. Отсутствие привычки более или менее глубоко продумывать свои ходы и реагировать на все ходы соперника, сыграло с Сан Санычем, наконец-то, злую шутку.

Он попался на простую четырёх ходовую комбинацию, начинающуюся, якобы, небольшой неточностью, или даже зевком Платона, неожиданно отвлекшегося на чай и сделавшего другой, преждевременный, на первый взгляд невинный ход на противоположном фланге, развивая, якобы, именно там успех ведущегося сражения.

Платон подкрепил это психологически дезинформирующим лёгким вздохом сожаления от этого сделанного не вовремя, неточного, и даже неправильного хода.

Этот трюк подействовал, как и надеялся Платон, на Сан Саныча.

Тот, приободрившись и воспрянув духом, предвкушая свой успех, уверенно сделал свой роковой ход, нисколько не сомневаясь в своей правоте.

Сделав пешкой «вилку» на две фигуры: слона и коня, он, с ехидно-довольной улыбочкой превосходства, ожидал, какую именно фигуру пожертвует Платон: защищённого пешкой слона, первым нанося по пешке удар, либо отводя из-под удара незащищённого коня, или непосредственно самого коня, защищая ходом другого своего коня.

Тот, со вздохом сожаления, сделал вид, что расстроился, теперь уже и не зная, какую из двух фигур спасти, и... оставил сей выбор Санычу, сделав на другом фланге уже второй, подготавливающий, теперь уже ход ферзём на незамеченную соперником убийственную позицию в задуманной и успешно осуществляемой им комбинации.

Саныч, обрадовавшись, что ему оставили выбор, что хапнуть, поначалу, как Буриданов осёл, не зная, какую фигуру побить, вытарашенными под стёклами сильных очков глазами, от этого казавшимися Платону сильно выпученными, жадно всматривался в позицию, оценивая, что лучше взять: слона или коня?

Но потом, разглядев, в чём он был абсолютно уверен, новую ошибку Платона, и, наконец, решившись, Саныч молниеносно, словно боясь, что Платон, не дай бог переходит, схватил незащищённого коня, тем самым временно сохраняя свою далеко продвинувшуюся пешку.

При этом наверняка думая в душе, какой же Платон лопух, что не подкрепил его другим конём для получения компенсации: хотя бы пешку за коня, или не ударил сам, первый, слоном по пешке.

Эти алчные заблуждения совершенно отвлекли Сан Саныча от другого фланга битвы, где над его боевыми порядками сгущались, предвещавшие скорую бурю, грозовые тучи.

Расчёт Платона был прост: представив первый его ход, как ошибку, Саныч увлечётся безнаказанным боем коня и из-за этого потеряет два хода, плюс один вынужденный ход из-за шаха, а дальше... дело техники!

Платон, крякнув от сожаления, сделал вид, что надолго задумался.

Надо было, для повторения этого трюка с этим же партнёром в будущем, замаскировать свою, заранее обдуманную комбинацию, сделав вид, что только сейчас, долго думая, Платон обнаружил, якобы неожиданно найденный выход из создавшейся плачевной ситуации.

Внешне это так и выглядело.

Сан Саныч, опять же улыбаясь, не сомневался в том, что Платон, сожалея об очередной промашке, начал интенсивно искать пути спасения партии.

Вместо того чтобы внимательнее посмотреть на позицию и обнаружить грядущую для его ферзя смертельную опасность, Сан Саныч откинулся от доски и стола, сладко потягиваясь и демонстрируя партнёру своё полное безразличие и уверенность в её исходе.

При этом он совершенно раскованно попил свой, неожиданно для него уже остывший, чаёк, не скрывая при этом своих эмоций и комментируя вслух, оказывая, как ему казалось, а вернее хотелось, психологическое давление на Платона с целью скорейшего положительного для себя завершения неожиданно затянувшейся партии:

– *«Ну, тут всё ясно! Финиш близок!».*

Платон ещё раз просмотрел позицию и свой планируемый ход, проверяя надёжность своей задумки.

Да, она явно и, безусловно, вела к выигрышу ферзя за фигуру, так как шла через шах и обязательный в данной ситуации отход короля.

Платон со вздохом сожаления подвёл черту под создавшейся ситуацией:

– *«Да! Ничего не поделаешь! Придётся попробовать вот здесь, хоть так!».*

Он специально робко, словно оттягивая неизбежное поражение, сделал свой долгожданный ход конём, объявляя шах королю.

Саныч не думая, почти мгновенно убрал короля, усмехаясь очередной глупости своего недалёкого соперника, комментируя при этом:

– *«От шаха ещё никто не уми...!»* – и, не закончив фразу, тут только понял, на что он попался.

Улыбка мгновенно слетела с его резко покрасневшего лица. Платон молниеносно ответил, да так, что Сан Саныч чуть не поперхнулся своим ещё недопитым чаем из-за такого быстрого и видимо заранее готового ответа.

Задрожавшей рукой он поставил стакан и впился вытаращенными глазами в доску, видимо, наконец, всё поняв, не соглашаясь с этим, и пытаясь хоть как-то замаскировать своё расстройство.

Сан Саныч прислонил ладони ко лбу, создавая как бы защитный козырёк от торжествующе-испытующего взгляда Платона, и сделал правильный, но не спасающий ход, втайне всё ещё надеясь, что Платон свой предыдущий ход сделал всё-таки случайно.

Но опять молниеносный ответ Платона полностью лишил его последней, чуть теплившейся надежды и окончательно добил Сан Саныча.

Он чуть ли не со слезами на глазах вынужден был отдать ферзя за того самого хитроумного коня и, уже молча, без улыбки, с густо покрасневшим лицом, стал сосредоточенно работать своими наивными мозгами над сложившимся на доске положением. Но Платон был точен.

Его жизненный опыт, который он набирал постоянно и повсеместно, подсказывал ему, что в такой ситуации не надо почивать на лаврах, зазнаваться, а спокойно и аккуратно реализовывать своё преимущество, лишний раз проверяя свои ходы, чтобы не дай бог самому же и загубить своё преимущество в партии, что с ним ранее уже иногда случалось.

Вынудив соперника вскоре разменять остальные фигуры, Платон перевёл партию в окончание со своим материальным, а теперь ещё и позиционным преимуществом.

В таких ситуациях он был всегда безупречен, просчитывая всё, как ЭВМ. При этом он любил говорить присутствующим, что в этой ситуации, при такой позиции, у него не выиграет даже сам чемпион мира!

Окончание партии было недолгим и постепенно, естественными ходами, всё пришло к своему логическому концу.

Сан Саныч, не дожидаясь фиксации своего позора и пытаясь как-то оправдаться, наверно перед самим собой, сдался со словами:

– *«Ну, ладно. Сдаюсь! Надо же? Всего один мой просмотр привёл к такому исходу! Да-а-а... бывает, что случайность всё губит. Придётся ещё раз сыграть! Надо же мне отыграться!?»*.

Однако Платон принялся, было, убирать шахматные фигуры.

Но Саныч с фанатичной настойчивостью, как молодой бычок на корриде, стал возвращать их на доску.

Он искренне считал, что проиграл случайно, из-за своей невнимательности, жаждая немедленного реванша.

Платон поначалу принялся было объяснять ему, что вообще не играет больше одной партии в день, нет смысла. Но Саныч не унимался.

Глядя на его покрасневшееся лицо с прослезившимися глазами, Платон понял, что ему жаль старика, как он про себя называл Саныча.

– *«Но я ведь очень устал думать! Я в шахматы играю плохо, и мне приходится думать над всеми ходами!»* – возразил Платон.

– «Да! Я это заметил! – радостно добавил Сан Саныч, тут же уточняя – Но я ведь имею право отыграться! Все всегда играют минимум две партии, а то и больше! У нас впереди ведь весь вечер. Можем наиграться вдоволь!».

– «Да я больше не смогу так сыграть» – вяло возразил Платон.

Он понял, что если он сейчас не согласится на матч-реванш, то глубоко и надолго обидит Саныча.

Ему не хотелось играть, но он всё же решил не обижать старика, уважить его и не обострять с ним отношения из-за всякой, по своей сути, ерунды.

– «Ну, ладно сыграем! Но только сначала подкрепимся!» – смирился Платон.

Тут же лицо его vis-à-vis просияло довольством и надеждой на неизбежное и скорое взятие реванша у своего, младшего по возрасту и нижестоящего по рангу, коллеги.

На жизненном пути Платону часто попадались такие, в сущности всё же недалёкие люди, занимавшие начальствующие посты и считавшие, что они теперь умнее своих подчинённых и осведомлённее по всем без исключения вопросам, при этом давя на них в спорах своим псевдоавторитетом. И он решил особо не утруждать себя и быстро проиграть сопернику одну, другую партии.

А может ещё и выиграю опять дуриком?! – подумал он, давая себе отступную.

Они сыграли ещё три партии, уравнив владение каждым цветом.

Во всех Платон проиграл, но не тужил об этом, так как особо не нагружал себя раздумьями в них. После этих побед Саныч весь приободрился, повеселел, стал улыбаться и шутить, искренне считая, что всё встало на свои места, и каждый получил по заслугам, вернее по интеллекту.

Этот вопрос был видимо для него больной. В научно-исследовательском институте, где он работал ранее, в условиях большой конкуренции среди инженеров и научных работников, многие интеллигенты, в силу особенностей своего характера, не могли никак смириться с наличием не менее, а зачастую даже более интеллектуально и культурно развитых коллег, очень комплексуя при этом. К таким относился и Александр Александрович. Теперь же в маленьком коллективе, где он был самым возрастным и опытным, где о его прошлом и о его промашках никто не знал, да и особо не интересовался, можно было представить себя интеллектуальным интеллигентом, разбирающимся во многих, особенно технических и смежных с ними вопросах.

Этому сейчас очень даже поспособствовали его три подряд одержанные победы, против одного, наверняка случайного, поражения над невольным конкурирующим с ним партнёром.

В купе по-прежнему кроме них никого не было и, сморённые усталостью и поздним временем попутчики, наконец, утомонились, предавшись неожиданно ими овладевшему почему-то безмятежному сну.

Но Платон несколько раз всё-таки просыпался во время редких остановок и окончания в связи с этим монотонных укачиваний. Он мог спать при любом шуме, но непременно монотонном. Тишина сразу же пробуждала его, видимо вселяя в тело тревогу от неизвестности.

За окном, за занавеской иногда мелькали огоньки станций и полустанков. Сквозь сон он слышал шум шагов и открывающихся дверей, приглушённый разговор, скрип и скрежет медленно трогаящегося поезда, неизменно засыпая при наборе им скорости и возникающей при этом монотонности перестуков колёс.

Впереди их ждала Казань. Платон ехал в командировку с большим интересом, так как ещё ни разу не был в этом городе, где, кстати, давно проживала его самая старшая двоюродная сестра Тамара.

Он предвкушал свою экскурсию по городу, встречу с сестрой, с которой не виделся шестнадцать лет, и возможные новые эмоции и впечатления. Для этого надо было уже в понедельник, или, в крайнем случае, во вторник, как можно скорее решить производственный вопрос

и расстаться с Сан Санычем, который должен был уехать раньше, после его технической экспертизы покупаемых изделий и решения вопроса в принципе.

Платон был готов к этому и с нетерпением ждал прибытия в Казань. Он последний раз проверил застёгнутый на молнию карман джинсов с большой суммой денег на приобретение необходимых их фирме резиновых муфт непосредственно с завода изготовителя, и сладкий сон окончательно сковал его веки. До утра и прибытия в Казань он уже не просыпался.

Глава 2. Соблазны

Проснувшись от какого-то шума, Платон заметил, что Александр Александрович уже бодрствует. Проверив целостность кармана с деньгами, и проделав необходимые утренние процедуры, Платон уставился в окно, любуясь мелькающим за ним пейзажем. Восходящее за горизонтом Солнце, вселило в его сердце какой-то непонятный, всё более надвигающийся, восторг. Его душа затрепетала, дыхание участилось. Чтобы несколько сбить его, Платон сделал глубокий вдох. А в голове его понеслось:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.